

Молчание оставим без внимания. Единственное, что его беспокоило — почему лицо того человека, что только что говорил с ним, так напоминало того типа из темницы? Он точно так же слегка приподнял веки и с насмешкой посмотрел на него. Они ведь только что подрались в подземном мире, и в теле до сих пор живо ощущение того, как спину пожирало яростное пламя. Стоило вновь увидеть его, как спина тут же начала ныть. Руки зачесались, до чего же сильно хотелось отлупить как следует этого легкомысленного типа, которого он видел всего второй раз в жизни.

Впрочем, этот человек, облаченный в женскую оболочку, выглядел на удивление гармонично. Он услужливо выступил вперед, отвесил поклон, после чего дотронулся до его лба и чрезвычайно торжественно произнес, обращаясь к его матушке:

— Матушка, о господине можете не беспокоиться, я о нем позабочусь.

Матушка Ли взяла ее за руку, они переглянулись и улыбнулись друг другу. Она тихо шепнула ей что-то на ухо, отчего у женщины покраснели уши, и она вновь поклонилась Матушке Ли.

Когда Матушка Ли ушла, всё тело Тао Шаньцзэ мгновенно напряглось. Настороженно глядя на него, он сжал кулаки, поджал пальцы на ногах и принялся внимательно осматривать окрестности, ежесекундно готовый броситься бежать.

— Ты кто вообще такой?

— Да ты что, забыл уже, кто я? Я твоя наложница, — беспечно усевшись напротив, произнес мужчина. — Твоя матушка уже признала наши отношения, чего ты смущаешься?

Хоть мужчина и улыбался, а его персиковые глаза забавно сгибались полумесяцами, в самом его взоре не было ни капли тепла. Он смотрел на него скорее как какой-нибудь Бай Учан, а не как на живое существо.

— Ты и впрямь он! Мы же только что виделись в подземном мире, неужели не узнаешь меня? — посерьезнев, произвел Тао Шаньцзэ. Всё его тело было напряжено: стоило тому предпринять хоть малейшую попытку, и он смог бы мгновенно броситься наутек или же сойтись с ним в смертельной схватке. Пускай в этом мире хватало странностей, и он даже смерти не боялся, чего ему было страшиться какой-то драки?

— Конечно, я узнаю тебя. И не только в подземном мире — мы ведь встречались и в новогоднюю ночь две тысячи двадцатого года. Неужели ты забыл? — Мужчина улыбнулся, прищурив глаза, и с кокетливой интонацией произнес: — Красавчик.

Бац! словно стадо диких зверей пронеслось мимо, сметая всё на своем пути: Тао Шаньцзэ вспомнил всё до мельчайшей детали. Это была та невероятной красоты женщина из новогодней ночи, с парой чарующих, опьяняющих лисьих глаз. Но поскольку он испокон веков не испытывал интереса к женщинам, он не стал разглядывать ее слишком пристально.

Однако слова мужчины обладали какой-то странной магией: они вновь затянули его в пучину терзающих болезней. Он никак не мог забыть, что в две тысячи двадцатом году был существом, чья жизнь могла увянуть в любой момент.

— Что здесь вообще происходит?

Мужчина легко рассмеялся:

— Добро пожаловать в мой мир.

Мужчина поднялся на ноги, и его душа отделилась от женского тела. Женщина безвольно обмякла на стуле, а мужчина — гордый и статный, словно нефрита дерево на ветру, — застыл перед ним. На нем были аккуратные белые одежды, а волосы заколоты деревянной шпилькой. Ветер и снег пробивались сквозь щели в двери, заставляя его пряди чуть покачиваться. Тонкие губы тронула легкая улыбка, а уголки глаз сощурились, превращаясь в цветущие ветви персикового дерева.

— Помнишь, я говорил тебе, что опросник, который ты заполнял, касался вопросов из книги Странные истории из кабинета неудачника? И еще говорил, что книга придет к тебе домой? Всё потому, что теперь ты находишься внутри этой книги! Ты и я — мы оба персонажи из книги. Только отыскав прежних персонажей, ты сможешь отсюда выбраться и вернуться в свой мир материализма, — насмешливо улыбнулся мужчина. Повсюду, куда падал его взор, поднимался ледяной мороз. Морозные узоры затянули все оконные рамы в комнате, и прямо на глазах иней становился всё толще, источником распространения которого был он сам.

Казалось, мороз вот-вот подберется к самому Тао Шаньцзэ. Широко распахнув глаза и чувствуя идущий от собеседника леденящий душу холодок, тот заставил себя унять дрожь в теле и произнес:

— С какой стати мне возвращаться в свой мир материализма?

Мужчина замер. Тао Шаньцзэ продолжил:

— Раз уж можно выжить, какая разница, в каком мире находиться.

Мужчина легко усмехнулся:

— Ну да, логично. Не вернешься через месяц, и с удивлением обнаружишь, что больница выдала тебе свидетельство о смерти — тогда тебе уже точно не придется возвращаться. Но что у тебя есть в этом мире, кроме пары глаз, способных видеть призраков? — Его пальцы сложились в изящный лотос, и перед ними, словно проекция на экране, возникло лежащее на больничной койке его собственное тело, рядом с которым прибор для измерения пульса демонстрировал его текущие показатели жизнедеятельности. — Впрочем, скажу тебе так: если сумеешь благополучно выбраться из этого мира, то сможешь выписаться из больницы. И тогда ты станешь настоящим чудом для всей медицины.

Тао Шаньцзэ вздрогнул и рефлекторно схватился за грудь — именно там татился источник боли. Конечно же, он хотел жить, хотел быть здоровым и боялся получить то самое известие о смерти, о котором говорил этот тип. И всё же он настороженно спросил:

— С чего мне тебе верить?

— Тебе еще нужны мои доказательства? Твои собственные глаза, этот мир и твоё тело — разве хоть что-то из этого не говорит тебе обо всем прямым текстом? — Мужчина усмехнулся, сел обратно и вновь соединился с плотью той служанки.

Глядя на эту совершенно антинаучную картину, Тао Шаньцзэ, даже будь он последним глупцом, поверил бы.

— Что мне делать? — Он прижал ладонь к груди: там отчетливо ощущалось, как кисть продолжала излучать жар.

— Кто заварил кашу, тот пусть ее и расхлебывает. Если ты сейчас заглянешь в ту книгу Странные истории из кабинета неудачника, что лежит у тебя дома, то наверняка заметишь, что оттуда пропало множество страниц. Эти недостающие страницы — как раз те события, через которые тебе предстоит пройти. Так что, если сумеешь отыскать пропавшие страницы в этом мире, сможешь вернуться.

На его ладони выросла белоснежная ледяная лилия, окрасившая его глаза в смутный, темный оттенок. Внутри цветка виднелся бамбуковый свиток.

— По той же логике: чем больше событий ты переживешь, тем дольше проживешь, и сможешь напрямую переписать Книгу Жизни и Смерти.

Мороз замер ровно в тот момент, когда собирался превратить Тао Шаньцзэ в ледяную статую. Тем не менее, его волосы всё же успели намертво вмерзнуть в постель. Взгляд мужчины качнулся, и он уставился на него слегка приподнятыми лисьими глазами:

— Впрочем, если подумать, раньше я приглашал в свой мир многих людей, но они справлялись отвратительно, поэтому я их всех сожрал. Если ты не сможешь отыскать страницы для возвращения, ручаюсь, твоё мясо покажется мне куда вкуснее, чем их.

Живот мужчины весьма вовремя издал громкое урчание.

— Видишь, я проголодался.

Тао Шаньцзэ судорожно втянул в себя воздух и попытался дернуть за волосы, но они были намертво прикованы ко льду.

— Ладно, подними меня, я приготовлю тебе поесть.

Брови мужчины взлетели вверх, и он, не в силах сдержать улыбку, произнес:

— Ты первый, кто вызвался приготовить мне еду.

Едва слова затихли, как окружающий комнату ледяной холод начал отступать от того места, где стоял Тао Шаньцзэ. Прежняя стужа в помещении показалась лишь иллюзией, однако тепла от этого не прибавилось ни на каплю.

Тао Шаньцзэ поднялся с кровати, накинул плащ, глубоко вздохнул, искоса глядя на собеседника, и слегка задрожал руками. Пусть он и не знал, верить ли этому человеку или нет, но всё происходящее на его глазах было реальностью, и ему приходилось идти ва-банк.

— Жди здесь.

У кухни поместья Ли толпилась целая группа слуг. Вытянув шеи, они заглядывали внутрь, а какой-то старик поглаживал бороду и рассуждал:

— Что это с молодым господином? Раньше он отродясь даже кипяток не кипятил, неужто он сейчас кухню спалит?

— И нас молодой господин внутрь не пускает! Вдруг он обварится, что тогда делать?

— Может, стоит доложить госпоже? Молодой господин больше не может перенести ни единого потрясения.

На улице стоял пронизывающий до костей холод, но никто из слуг не собирался расходиться по комнатам. Все они с тревогой вглядывались внутрь, смертельно боясь, что Ли Чжуэр по недосмотру спалит кухню.

Однако вскоре оттуда поплыл густой, смешанный со сладковатыми нотками аромат еды, за которым последовал аппетитный запах мяса. Люди разом вылупили глаза и принялись жадно втягивать носом воздух.

— Ты слышал, когда это молодой господин успел обучиться кулинарному искусству?

— Почему мне знать? Впрочем, с тех пор как молодой господин перестал быть слабоумным, он только и делает, что поражает всех вокруг.

— А вы уверены, что сейчас в теле молодого господина именно его душа, а не какая-нибудь нечисть? — подал голос низкорослый парень, разжигавший печи на кухне.

Стоило ему это произнести, как вокруг воцарилась гробовая тишина.

Тот самый старик отвесил ему звонкую затрещину:

— Мелкий засранец, прекрати молоть языком! Ступай занимайся своими делами.

В этот момент появился Тао Шаньцзэ с супницей в руках и уставился на толпу, собравшуюся у входа на кухню:

— Вы чего тут столпились?

— Молодой господин, а что это вы приготовили?

— Свинина Дунпо, жареная свинина по-пекински, горькая тыква с медом, рис с красной бобовой крупой. В котле еще осталось, можете пойти поесть. — С легкой улыбкой Тао Шаньцзэ прошел мимо, унося еду.

Будучи человеком, живущим в одиночестве, он поневоле освоил базовый навык готовки. Конечно, можно было питаться доставкой, но заказывать еду каждый день было не только вредно для здоровья, но и чертовски дорого. Для такого простого работника, как он, это тяжелым бременем ложилось на кошелек. Сначала он умел варить лишь лапшу быстрого приготовления, но позже, следуя кулинарным приложениям, освоил немало блюд. Быть может, сказывался природный дар, но готовил он отменно.

Однако после того, как он заболел, он почти не подходил к плитам и не готовил для себя нормальной еды — любое проглатывание пищи превратилось для него в сущую пытку.

Но сейчас всё было иначе. Попробовав лишь кусочек, он понял, что этот липкий, нежный рис с красными бобами полностью покорила его вкусовые рецепторы. Даже пить бульон от рисовой каши было для него чистейшим счастьем. То, что обычные люди получали без всякого труда, для него было радостью, достичь которой требовало немалых усилий.

Мужчина вальяжно раскинулся в комнате, закинув ногу на ногу и дожидаясь его. Служанка всё еще пребывала без сознания. На мужчине по-прежнему были безупречно чистые белые одежды, но теперь его глаза сияли персиковым блеском.

— Вернулся? Давай-ка глянем, что ты мне вкусного приготовил.

С этими словами он перехватил супницу и, едва открыв ее, замер от удивления. Аромат стоял на всю комнату. Свинина Дунпо была нарезана идеальными ровными ломтиками и аккуратно уложена на тарелку, а брусочки свинины по-пекински отличались абсолютно одинаковой длиной. В сочетании с изумрудной зеленью горькой тыквы всё блюдо напоминало настоящее произведение кулинарного искусства.

Нетерпеливо выхватив палочки, мужчина отправил в рот кусочек мяса. Нежное и сочное, оно полностью сохранило всю влагу внутри, но при этом совершенно не казалось жирным. Сделав три крупных укуса, он наконец поднял голову и посмотрел на него. Исчезли прежние насмешливые нотки, уступив место искреннему восхищению:

— Кхе, это всё ты приготовил?

— Мм, — кивнул Тао Шаньцзэ, взял свои палочки и уже собирался подцепить кусочек свинины Дунпо, как мужчина перехватил его за запястье. — Прости, я не привык делить трапезу с другими. Я сам тебе наложу.

Тао Шаньцзэ не стал возражать. Приняв из его рук пиалу, он принялся за еду. Столь долгожданные лакомства казались ему поистине царским подарком. Даже угодив в мир Ляочжая, он считал это величайшей удачей своей жизни.

День клонился к закату. Оба опустошили тарелки до последней крошки. Мужчина остался невероятно доволен: он выскреб соус до чиста, а когда одна-единственная фасолинка упала за край пиалы, он подобрал и ее.

— Кстати, я ведь так и не назвал тебе своего имени. Меня зовут Чи Мэй, — блаженно откинувшись на спинку стула и сыто отрыгнув, произнес он. — Учитывая, как вкусно ты готовишь, я кое-что тебе дам. Если вдруг столкнешься с чем-то невыразимым, используй это.

Кончик его пальца совершил легкий выпад, складываясь в печать, из которой возникло слегка излучающее бледно-голубое сияние заклинание.

— Это духовный узел. Носи его на груди на случай непредвиденных обстоятельств.

— Благодарю, — Тао Шаньцзэ спрятал вещицу за пазуху. — Могу я задать вопрос?

— Мм, спрашивай. — Чи Мэй откинулся назад, слегка прищурив глаза, а его искусно очерченные пальцы играли с длинными прядями волос. В таком положении он походил на девицу из какого-нибудь увеселительного дома, и этот образ вновь слился с той прекрасной девушкой из новогодней ночи.

— Ты человек? — невозмутимо поинтересовался Тао Шаньцзэ. С тех пор как он узнал, что находится в мире Ляочжая, он уже морально подготовился, мысленно перебрав всех возможных лисьих демонов и призраков, и в конце концов понял, что вполне способен с этим смириться.

— Угадай-ка, — расхохотался Чи Мэй. — Тао Шаньцзэ, времени у тебя осталось совсем немного. Тело Ли Чжуэра, в котором ты находишься, обладает способностью видеть сквозь преграду инь и ян и уже давным-давно прознало небесную тайну. Судя по срокам, небесная кара тоже не заставит себя ждать — всё зависит от того, успеешь ли ты отыскать те страницы до того, как грянет кара небесная.

Его фигура мгновенно качнулась, и белые одежды бесследно растворились в воздухе. Зато та самая служанка, что всё это время безвольно сидела на стуле, ожила и почтительно произнесла: «Молодой господин». В тот же самый миг резная деревянная дверь со скрипом отворилась, и вошедший Ли Хуа произнес:

— Чжуэр, раз твой разум прояснился, пора помочь отцу с управлением семейными делами. В

городе Линчжоу есть наша лавка, с которой нужно собрать арендную плату. Выступай сегодня же, вернешься завтра к утру.

— Слушаюсь, отец, — поклонился Тао Шаньцзэ, чувствуя, как духовный узел на груди наливается жаром.

В сумерках он наконец добрался до Линчжоу. Вместе с ним прибыла и его «служанка».

По идее, в это время улицы должны были кишеть жизнью, а лавки — всюю торговать, но сейчас главная дорога была пуста, и по ней гулял лишь свирепый, пронизывающий до костей ледяной ветер, делая город похожим на безлюдные руины.

Всю дорогу до этого он был наслышан о том, что прежде в Линчжоу буйствовали призраки, пока туда не пожаловал один монах. Тот обладал великим мастерством, и с тех пор жители Линчжоу жили в мире и покое. Однако судя по текущему положению дел, реальность оказалась куда хуже ожидания, если не сказать — страшнее.

— Что, не видишь на моем лице ожидаемой радости? — усевшись на деревянный стул, Чи Мэй снизу вверх уставился на стоявшего перед ним парня.

В столь поздний час отправляться за сбором арендной платы было уже нельзя, поэтому дело пришлось отложить на следующее утро. Это была первая ночевка Тао Шаньцзэ в этом мире, и он испытывал смутную тревогу. Пожалуй, в сравнении с диковинными демонами и призраками этот мужчина казался ему куда более надежным.

— Давай сначала найдем постоянный двор, — предложил Тао Шаньцзэ. — Сегодня мы уже ничего не соберем, отправимся завтра с утра. Точный адрес я расспросил: третья лавка налево.

Чи Мэй фыркнул и рассмеялся. Было в нем нечто пугающе гармоничное: когда он не улыбался, лицо его казалось изваянием из ледяной крошки, настолько суровым и неприступным, что к нему и близко подойти не смели. Но стоило ему улыбнуться, как он словно с небес спускался напрямик в мир людей. Хотя Тао Шаньцзэ и понимал, что тот, вероятно, тоже могущественный демон и уж точно страшнее прочей нечисти, но стоило тому упомянуть их встречу на Тайм-сквер в две тысячи двадцатом году, как расстояние между ними мгновенно сокращалось, и Тао Шаньцзэ был вполне готов мириться с существом, что человеческой природой не обладало или обитало в иных мирах.

— Чего ты смеешься? — По мере того как сгущалась ночная тьма, порыв ледяного воздуха окатил его лицо, заставив вздрогнуть от озноба и еще сильнее поверить в правдивость слухов о Линчжоу.

— Смеюсь я над тем, что, зная о пребывании в мире Ляочжая, ты не стремишься уладить дела днем, а вместо этого собираешься пережить здесь целую ночь. Неужели ты бесстрашен лишь потому, что понятия не имеешь, что случится этой ночью? — Мужчина слизал слюну с верхних

зубов, и уголки его глаз приподнялись. — Впрочем, так даже лучше. Если сегодняшней ночью ты лишишься жизни, я съем тебя первым. Я уже давно положил глаз на твою шею — зуб даю, она окажется нежной и сочной, кровь брызнет фонтаном, а в сосудах отчетливо почувствуется упругая упругость мышц.

Тао Шаньцзэ невольно попятился назад. Он не имел права показывать слабость и четко напоминал себе, что мужчина просто бросается словами: вздумай он его сожрать, давно бы уже сделал это. Поддаваться на его запугивания было нельзя.

— Ладно, я понял. Я буду осторожен.

Городок Линчжоу был маленьким, на весь насчитывалось всего три постоянных двора. На двух из них красовались таблички «Закрето», двери всех домов вдоль улицы были наглухо заперты, так что рассчитывать на чью-то помощь не приходилось. В итоге их выбор пал на заведение у самой городской стены — постоянный двор Ванлай.

По идее, у входа на любой постоянный двор должны ярко гореть красные фонари, но здесь все фонари давно выцвели. На серо-белых бумажных шарах лежал толстый слой снега, фасад обветшал, а деревянные опоры опасно покачивались. Если бы у входа не значилась вывеска об открытии, поверить в то, что это заведение работает, было практически невозможно.

Когда они вошли внутрь, хозяин явно опешил:

— Вы... вы переночевать?

Тао Шаньцзэ кивнул:

— Да. — При этом он окинул взглядом помещение. Внутри всё покрылось толстым слоем пыли, костяшки на хозяйских счетах намертво слиплись от грязи, на полу чернели пятна, а в деревянной лестнице зияло множество червоточин. Стояла абсолютная тишина, и казалось, что постояльцев здесь нет вовсе.

Неужели они забрели в бандитский притон?

Хозяин замахал руками:

— Прошу прощения, уважаемые, все места заняты. Боюсь, сегодня мы вас не разместим, не поищите ли другой постоянный двор?

Свирепый порыв ледяного ветра ворвался внутрь, заставив створки дверей на первом этаже гулко застучать. Внутри не было ни души, да и со второго этажа не доносилось ни звука. И это называется «все места заняты»? Сердце Тао Шаньцзэ пропустило удар от подступающего страха, в глазах кольнуло от резкой боли, и на мгновение ему померещилось, будто на лестнице прислонилась какая-то женщина, причем, видение тут же исчезло.

Он снова перевел взгляд на хозяина. Раньше он не замечал, но теперь, присмотревшись внимательнее, заметил странность: кожа на лице старика дрябло свисала с черепа, совершенно не напоминая человеческую. Однако тот приветливо мотал головой, разговаривая с ними, не проявляя никакой злобы.

Вспомнив слова Чи Мэя о том, что если ночью и впрямь появятся призраки, то иметь хоть какую-то крышу над головой всяко лучше, чем остаться под открытым небом, он произнес:

— Хозяин, мы не привередливы. Дайте нам хоть одну комнату.

Красноречиво изогнулись брови Чи Мэя:

— Верно, я же твоя наложница, мы должны жить в одной комнате.

Это был древний божественный зверь, который в любую секунду не прочь полакомиться тем, кто подвернулся под руку.

Личинки насекомых

Тао Шаньцзэ тяжело вздохнул: наступила ночь, и у него совершенно не было времени препираться с этим типом. То, что он взял Чи Мэй с собой, по крайней мере давало хоть какую-то гарантию безопасности. Пусть он и не знал истинных способностей Чи Мэя, но тот по крайней мере видел скрытую от глаз смертных нечисть и был способен усмирять ее. Подобный союз должен был существенно снизить уровень опасности.

В комнате находились лишь простая деревянная мебель да кровать. Тао Шаньцзэ молча достал одеяло и застелил ложе. Закончив приготовления, он поднял голову и увидел, что Чи Мэй перед зеркалом наводит макраж — только вот лицо его из облика служанки постепенно трансформировалось в истинный облик мужчины. Мужчина, рисуя брови перед зеркалом, создавал сюрреалистичное ощущение выходящего на сцену актера пекинской оперы.

— Какого чёрта ты делал в подземном мире? — поинтересовался Тао Шаньцзэ.

— В своем мире я хожу куда захочу, — подрисовав бровь с весьма выразительным изломом, кокетливо бросил тот. — Как думаешь, у меня красиво получилось?

Тао Шаньцзэ холодно усмехнулся. Тот вроде бы изъяснялся гладко и даже прикрывался красивыми фразами про «свой мир», но на деле он сам был лишь заложником ситуации, этакой овечкой на заклание. Как говорится, без выгоды никто и пальцем не пошевелит. Раз уж он продлевает ему жизнь, тащится вместе с ним постоять постоянные дворы и требует отыскать утерянные страницы, значит, его собственные ограничения куда суровее тех, с которыми столкнулся сам Тао Шаньцзэ.

— Чего это ты смотришь на меня таким слзливym взглядом? — Чи Мэй слегка коснулся щек пальцами, окрашенными алым лаком. — И вправду говорят, что качество древней пудры

оставляет желать лучшего. В следующий раз, как вернусь в реальный мир, закуплюсь побольше.

— Так возвращайся в реальность прямо сейчас, — посерьезнев, предложил Тао Шаньцзэ.

— Ты что, перестал меня бояться и теперь решил разговаривать в таком тоне? — приподнял бровь Чи Мэй. — Ну и прекрасно. Что бы ни поджидало тебя этой ночью, этот господин палец о палец не ударит, чтобы помочь.

Сердце Тао Шаньцзэ тревожно ёкнуло, но, желая проверить собственную догадку, он всё же произнес:

— Отлично. В таком случае ты никогда не получишь страницы из этого мира.

Его слова едва успели затихнуть, как холод в комнате стал еще невыносимее — изо рта каждого отчетливо клубился густой белый пар.

— Откуда ты...

— Ты утверждаешь, что это твой мир. Но если бы ты мог затащить меня сюда ради поиска страниц и сам раздавать мне блага вроде переписывания Книги Жизни и Смерти, ты что, владыка преисподней, чтобы проворачивать такое? Более того, наша первая встреча состоялась в тюрьме, в две тысячи двадцатом году тоже. У тебя ведь тогда не было этого истинного тела. Очевидно, что лишь после встречи со мной ты смог обрести телесную и душевную целостность и выбраться из той темницы. — Тао Шаньцзэ на мгновение умолк, чувствуя, как его догадки обретают всё большую четкость. — Неужели ты застрял в этом мире и просто ждал, пока кто-нибудь вытащит тебя отсюда вместе со страницами?

Сдерживая дрожь во всем теле, Тао Шаньцзэ подался вперед:

— Так что нам нужно держаться вместе, понимаешь? Только так: я добуду страницы, выйду наружу и останусь в живых, а ты сможешь выбраться отсюда.

<http://bllate.org/book/22407/2352255>